

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ, А. В. ЧЕРНЫШЕВ
Калининский университет

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (далматинские города IX—XII вв.)

Никто не станет отрицать правомерности проблемы соотношения города и государства в раннеклассовом обществе. Любой исходный пункт развития привлекателен для анализа, тем более уместен для этого такой объект, как истоки городской истории, да еще в сочетании со столь острым сюжетом, как история политической организации общества. Однако по отношению к далматинскому городу тема «город и государство» наполняется особым звучанием не в смысле исходного пункта городской истории, а в смысле более позднего времени, и специалист не может об этом умолчать. Не раннее, а позднее средневековье оказывается здесь временем, когда взаимоотношения города с государством оказываются регулятором всех прочих взаимосвязей.

Это время, когда почти все города далматинского, черногорского и албанского побережья попадают под власть республики св. Марка и постепенно утрачивают коммунальные свободы, способность к социальному развитию и экономические позиции¹. Свободным остается лишь Дубровник, более того, он переживает период поражающего современников расцвета. Однако его свобода лишь способна оттенить ту роль, которую отныне играет Османская империя в судьбе города. И необходимость создания обширного флота, и стекающиеся в город богатства, и открывшиеся перед дубровчанами торговые перспективы на Балканах — все это порождено той ролью, которую Дубровник занял в системе турецкого государства. Эти внутригосударственные отношения (потому что республика св. Влаха считалась вассалом султана, а ее граждане — «зимми» — его иностранными подданными)² отныне будут определять судьбы Дубровника.

Но не менее существенной оказывается и политическая структура самой республики. Гибкая система политического управления обеспечивала ей успех в приспособлении к редкостно изменчивой политике Порты, военная организация, включая

и систему мощных укреплений, дала возможность устоять перед врагами, а разветвленная дипломатическая служба позволила снабжать Константинополь разведывательными сведениями³.

Впрочем, эта интереснейшая эпоха значительна не только сама по себе. Она предоставляет возможность и конкретного анализа, и теоретического обобщения, и в то же время тормозит обращение к раннему времени. Расхождение судеб Дубровника и остальных далматинских городов представляет собой феномен, который нуждается в объяснении⁴. В самом деле, почему Дубровнику удалось устоять, в то время как остальные города пали под ноги Венеции? Потому ли, что он был лучше укреплен? Потому ли, что его ремесленная основа, как показали новейшие исследования, была значительно шире, чем у других городов, а тем самым и гораздо устойчивее? Потому ли, что городское население было воспитано в духе гораздо большего свободолюбия? Или, наконец, потому, что Дубровник рождался особым образом и эти «родимые пятна» навсегда предопределили его последующую эволюцию? Достаточно лишь поставить эти вопросы, как станет ясно, что исследователю не обойтись без проникновения в раннюю историю далматинского города. Таким образом, перед нами возникает ретроспектива, где исходным пунктом является XVI в., век расцвета Дубровника и стагнации всех остальных далматинских городов, а конечным — первые века средневековой жизни городов, приблизительно VIII—XII вв.

Регион, в котором расположены далматинские города, не случайно может быть назван перекрестком цивилизаций. Если рассматривать цивилизацию как совокупность множества слагаемых, в том числе и политического развития, то адриатическое побережье Балканского полуострова окажется зоной приложения как минимум трех сил. Это, во-первых, сохраняющееся влияние греко-византийского мира, византийской чиновничьей титулатуры, денежной системы и правового мышления, православной церковной практики, в частности богослужения на местном языке. Во-вторых, это воздействие западного, преимущественно итальянского, католического мира, от имени которого будет выступать Венеция. Оно скажется в языке, системе письма, организации коммунальной жизни, мореплавания и торговли, в строительной, художественной, книжной культуре. И, наконец, в-третьих, это славянская подоснова всей жизни горожан — структура семьи и родственных связей, материнский язык населения, весь сербско-хорватский дух, которым определялась жизнь в стенах частного дома. О венгерском воздействии мы уже не говорим, хотя в государственно-правовом отношении оно было значительным. Но и без того ясно, что Далмация — это подлинная «контактная зона», как сейчас принято писать, область, где синтез взаимовлияний был делом сложным и длительным.

В качестве объекта рассмотрения мы выберем, помимо Дубровника, еще два далматинских города — Задар и Трогир. Каждый из этих трех городов может похвалиться отношениями особого рода с каким-либо политическим организмом, и в каждом из трех случаев эти отношения открывают определенную сторону внутренней городской организации. Не следует лишь искать в этой организации черт политического, пусть даже крошечного, организма. Не административная структура представляет для нас в данном случае наибольший интерес, хотя, казалось бы, именно по этой линии следовало бы вести анализ отношений города с государством. И наше внимание должно быть приковано ко всему, что составляет городской социум и что было им накоплено на протяжении столетий, к его способности управлять самим собой и защищаться от врагов, к умению выделить себя из окружающей среды и организовать пространство внутри городских стен, к опыту производства и обмена и, не в последнюю очередь, к человеческим качествам членов этого социума. Далеко не каждая сторона городской жизни испытывает на себе в равной мере воздействие того государства, с которым взаимодействует город. Но в рамках поставленной задачи мы не должны опустить ничего.

Раньше всего города вступили в общение с Византией, и первым из них был Задар⁵. Задар становится главным городом Далмации, ее метрополией, резиденцией византийского наместника — проконсула, стратига или катепана. Что побудило византийцев остановить свой выбор на этом городе — ведь он был максимально удален от центра империи и находился в опасной близости от ее северо-западной границы? Известно, что Задар пострадал от набегов славян меньше, чем соседние города, а главное — он полностью сохранил епископальную организацию и городскую территорию⁶. Видимо, Задар в VII в. больше всех далматинских городов соответствовал представлениям византийцев о полноценном городском центре. Наличие же такого центра было *conditio sine qua* поп сколько-нибудь эффективного управления осколками провинции.

Административную историю Задара в раннее средневековье мы знаем достаточно подробно, здесь особенно велика заслуга Я. Ферлуги⁷. Четырехсотлетнее пребывание в городе византийских наместников привнесло в городскую жизнь определенный комплекс политических традиций. В то же время все изменения в системе местного управления империи сказывались прежде всего на далматинский метрополиии⁸, придавая существованию Задара свойство политической мобильности. При этом важно отметить, что византийской администрации как таковой, по мнению Я. Ферлуги, ни в Далмации в целом, ни в Задаре не было⁹. Константинополь воздействовал лишь на формы управления, создавая административную матрицу — содержание этих форм было чисто местного характера.

Ярко иллюстрирует своеобразие византийской администрации в Задаре традиционное соединение должности проконсула Далмации и городского главы-приора. Два этих поста занимал всегда один и тот же человек, и в X—XI вв. в течение нескольких поколений должность приора-проконсула оставалась в руках дома потомков некоего Мадия-Мадиевичей¹⁰. Таким образом, проконсул одновременно являлся государственным чиновником и возглавлял городское самоуправление. Сначала приоры Задара являлись таковыми лишь в силу того, что они были византийскими наместниками, но впоследствии их основным политическим детерминантом становится именно приорат, а не исполнение функций имперского управления¹¹. Я. Ферлуга считает, что далматинские города интересовали империю преимущественно с точки зрения обороны северо-западных границ и после ряда неудачных попыток усилить политическое давление на эти города в Константинополе поняли, что наиболее эффективно проблему защиты границы можно решить, расширяя автономию далматинских городов¹².

Таким образом, далматинская окраина империи предоставляла идеальные возможности для формирования городской автономии. Здесь сложились устойчивые традиции политической жизни, существование городов было сравнительно обеспеченным, а собственно византийское чиновничество отсутствовало. Имперские формы управления, видимо, сыграли роль кокона, в котором созрела ранняя коммуна.

Ранняя включенность Задара в развитую политическую систему позволила ему занять выдающееся место среди далматинских городов. Правда, сама провинция была образованием более чем странным, своего рода «территориальным уродом» (Н. Клаич), она состояла из цепочки городов, протянувшихся вдоль побережья¹³. Однако вплоть до XI в. союз местных городов реально существовал, и Задар был его признанным политическим лидером.

В целом становление Задара как самостоятельного городского центра имеет много общих черт с генезисом Венеции — оба города, не зная цезуры в своем развитии, были помещены в питательную среду исключительно благоприятной политической структуры. Существовали, однако, и различия, обусловившие разницу их дальнейших судеб. Одно из них мы уже назвали — Задар, в отличие от Венеции, сыграл роль политического лидера регионального союза городов. Второе отличие, на наш взгляд, состояло в том, что для местных городов Задар сыграл еще и роль «генератора коммунального развития». На десятилетия раньше, чем в других городах побережья, в Задаре появляются институты городского самоуправления и начинает формироваться городская патрициат¹⁴. Характер взаимодействия Задара с империей косвенным образом отразился во взаимодействии Задара с остальными городами Далмации и привел к ана-

логичным результатам — автономизации частей, некогда составлявших единое целое.

Трогиру выпала на долю иная форма взаимодействия с государством. Он не стал резиденцией императорского наместника в Далмации, а его верхушка не испытала воздействия византийской титулатуры. Первые века своего существования (VIII—IX вв.) город был на положении своеобразного далматинского захолустья, младшего брата своего известного соседа — Сплита. Перемены наступили лишь с прекращением в соседнем Хорватском королевстве правящей династии (Трпимировичей) и появлением на побережье венгерского войска. Так получилось, что Трогиру первому король Коломан пожаловал (1107 г.) вольности, которые потом были дарованы еще ряду других городов, войдя в так называемые «дипломы трогирского типа»¹⁵. Трогир первым получил право самостоятельно избирать городского главу — князя — и епископа, пользоваться всеми старыми обычаями, не платить королю никаких налогов, кроме некоторых портовых пошлин. В город не мог вводиться венгерский гарнизон, поселяться венгерский чиновник без воли городской общины, и даже пребывание короля в городе должно согласовываться с населением города¹⁶.

Принято считать, что с этого пожалования начинается новый этап в истории далматинского городского самоуправления — этап коммунального развития всех городов побережья¹⁷. Впрочем, для нас сейчас важнее выяснить, как отразился диплом 1107 г. на последующих судьбах самого Трогира. Коломанова привилегия поставила город в исключительные условия — он первым принял короля в свои стены и оказался с этого времени ближе других городов сердцу последующих Арпадовичей. И спустя сто с лишним лет, спасаясь от татарского войска, королевская семья Белы IV будет искать убежища именно за его стенами, а потом пожалует городу все новые и новые льготы. Следует помнить при этом, что юрисдикция венгерских королей будет ощущаться в Далмации на протяжении столетий. Двести лет (XIII—XV вв.) два суверена — республика св. Марка и корона св. Стефана — будут оспаривать друг у друга верховную власть над провинцией. Даже Дубровник не избежит венгерской супрематии и в самые трудные годы пребывания под властью турок будет уплачивать Венгрии некоторый взнос (до 1526 г.). Трогир же станет наиболее активным носителем этой традиции, самым «венгерским» городом на далматинском побережье.

Наконец, Дубровник, третий из избранных нами городов, не знал ни византийской политической супрематии, ни милостей венгерских королей. Если по отношению к Задару и Трогиру нам было важно установить, как влияла на них связь с иноземным государством, то на Дубровник действовало главным образом отсутствие такой связи. Поэтому в облике формирую-

шегося, раннего Дубровника внимание привлекает прежде всего проявление свободы в ее разных обликах. Не будем уточнять, что явилось причиной такой свободы. Для нас бесспорно, что одной из них явился тот способ создания своего города, который выпал на долю дубровчан. Напомним, что Дубровник начал создаваться в VII в. беженцами из разрушенного славянами Эпидавра в условиях, которых не знал ни один другой ранне-средневековый город. В самом деле: Задар развивается на месте античного Ядра, Трогир — Трагуриума, Сплит вырос хоть и в итоге панического переселения, но в стенах одного из самых благоустроенных зданий того времени — дворца Диоклетиана¹⁸. Беженцы же из Эпидавра положили начало новому городу на бесплодной скале, лишенной и растительности, и питьевой воды. Ближайшие столетия дубровницкой истории (VIII—IX вв.) — это цепь сражений с природой, история мужественного отвоевания жилого пространства у суровой среды. В этом отношении дубровчане оказываются ближе всего к венецианцам, создающим свой город среди плавней и болот — человеческие типы и там и здесь возникают и закаляются в сходных условиях. Следует ли удивляться тому, что и последующая история обеих республик будет такой сходной?

Одной из форм, в которой одновременно и проявлялся, и оттачивался независимый дух рагузинцев, являлось отвоевание пространства под застройку города у моря и прибрежных скал. Скала, занятая беженцами-эпидаврами, протянулась полумесцем вдоль берега — южные окраины современного города повторяют ее изгиб. Но вновь прибывшие заняли даже не всю ее территорию, им вполне хватило западной оконечности островка. Число их не превышало, по-видимому, нескольких сотен, может быть, даже трех-четырех. Обрывистые, почти непрístupные утесы были вскоре укреплены еще и каменными стенами, сложенными насухо, а образовавшаяся крепостца так и была названа кастеллум или Кастель Лаве. Так возникла первая часть (секстерий) будущего города, где впоследствии разместится городская управа — князь, епископ. Скоро новоприбывшим стало тесно, и на прилегающем куске острова возник новый квартал. Его в VIII в. окружили уже более прочной стеной, камнем с известью, а с северной стороны даже крепкими башнями. Это была пологая сторона, открытая протоке, точнее, гнилому болоту, отделявшему островок от материка. До поры горожане перемещались через болото по деревянному мосту, впрочем, кроме стен и башен, все в городе будет еще долго строиться из дерева. И мост, и первая пристань еще находятся там, где находится Кастель, первый городской квартал. Но город продолжает расширяться — в VIII—IX вв. возникает еще один городской квартал. Теперь их уже три — Кастель (св. Мария), св. Петр и Пустиерна, островок заселен полностью, возник «старый город». Теперь ему предстоит перешагнуть на материк.

Там, где мост в узкой части протоки достигает подножья горы Срдж, в X в. возводится церковь св. Влаха, знаменуя собой возникновение нового прихода. Затем здесь возникает предместье Приеко («по ту сторону»), а в XI в. начинается засыпка болотистой протоки, на ее месте появляется вначале поле, а затем и широкая улица — главная магистраль современного города — Плаца или Страдун. Немного позднее по склону горы взберутся жилые дома, будут проложены улицы, возникнет четвертый секстерий города, в несколько раз больший, чем весь старый город, — «новый город». Это произойдет в XI—XII вв. Теперь нужно будет основательно укрепить северную, самую уязвимую границу города — здесь нет ни утесов, ни рва, на этой стороне позднее будут выстроены самые мощные бастионы городских укреплений. А пока строятся лишь стены и расширение Дубровника прекращается¹⁹. В этих границах, достигнутых к XII в. (15,5 га), городу не будет тесно все последующие столетия. Освоение городской территории закончилось.

Новые стены возникают, по-видимому, во второй половине XIII в. — более точная датировка невозможна. В промежуток между 1301 г., когда первые дополнения к статусу 1272 г. начнут сообщать о фортификационных усилиях коммуны, и 1453 г. уложится основное строительство дубровницких укреплений. Из этого полуторавекового отрезка отчетливо выделяются первые 50 лет (1301—1351) — время строительства городских башен. Работы начнутся на севере и западе, а потом будет возведено все остальное. Самые важные из башен, например Минчета и Мул, будут позднее перестроены, остальные сохранят свой облик и в дальнейшем, но все они прорежут цепь городских стен именно сейчас. Впрочем, их завершая еще примитивны: снаружи их защищают зубцы, а внутренней стороны сделана ограда из дерева, а на верхних площадках временные деревянные домики для стражи — мантелеты. Стены еще не превышают 3 локтей (1,53 м) ширины, ибо огнестрельного оружия еще нет, и перед ними нет ни бастионов, ни рва.

В середине XIV в. наступают важные перемены: в 1351 г. некий Николай, выходец из Германии («Гевтоникус»), предложил коммуне выковать первую пушку (спингарду), и с этого момента ведет свое начало использование здесь огнестрельного оружия. Одновременно на северном участке стен начинается возведение «предстенья» («антимури»), т. е. внешней линии низких стен, и перестройка Мула, превращающегося позднее в один из двух мощных бастионов, фланкирующих гавань. Затем фортификационные работы уже не останавливаются, ибо усиление боснийского королевства, рост феодальных усобиц в сербских землях, а затем и турецкая угроза не дают горожанам повода для успокоения²⁰.

В истории дубровницкого фортификационного строительства есть момент, который, на наш взгляд, чрезвычайно показате-

лен для понимания городских представлений о свободе.

В ключевом месте городских укреплений, в их самой угрожаемой точке город возводит форт — башню Минчету. Это обширный бастион с пушечными амбразурами и целой системой внутренних помещений, на площадке которого возвышается круглая башня, самая высокая и неприступная во всем городе. Она венчает кольцо стен и господствует над городом — подлинная крепость. Однако в архитектуре башни есть особенность: она как бы не достроена — в той части, которая обращена к городу, башню сверху донизу прорезает глубокая щель, из тела башни как бы вынут ровный прямоугольник. Щель эта ложная, в глубине видна стена, которая надежно охраняет защитников башни в случае, если врагам удалось бы преодолеть первый этаж обороны — взобраться на верх бастиона.

Башня Минчета вполне могла рассматриваться горожанами как господствующая над городом цитадель. В руках иностранных суверенов, которым принадлежала власть над городом (а Минчета начала строиться в 1301—1351 гг., когда Дубровник еще пребывал под венецианской супрематией), она вполне могла стать средством давления на город. Башня для того и была символически «разрезана», чтобы показать, что она не угрожает городу, что она обращена своей мощью только вовне, а с внутренней стороны она «своя». Если это толкование справедливо, мы получаем в руки любопытное доказательство того, как чутко реагирует застройка города на представления горожан о свободе. Дубровницкое градостроительство, совершавшееся без помех со стороны государства-суверена, стало еще одним средством утверждения городского суверенитета.

Ранняя история города, условно говоря, может быть доведена до 1200 г. Далее следует Четвертый крестовый поход и венецианская супрематия над важнейшими городами побережья — Задаром и Дубровником. Важнейшим рубежом здесь оказывается установление новых отношений города с государством. Но XIII в. принесет с собой еще более важные новшества — оформление городской производственной структуры, расцвет мореходческих и коммерческих связей со всем Средиземноморьем и, как следствие, создание городских конституций, статутов и создание собственного делопроизводства — нотариата. Раннесредневековое развитие окончилось. О его окончании можно судить еще и по тому, что с этого времени эволюция и Дубровника, и остальных коммун пойдет приблизительно единообразно, в одинаковых формах создается городская документация, в одно и то же время возникают статуты и нотариальные книги.

Но было ли изжито различие, наметившееся в ранний период городской истории? На наш взгляд, нет. Оно только ушло в более глубокие пласты, и, когда возникли условия для выбора собственных путей развития, расхождения обнаружилось с новой силой и на этот раз на много столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Novak M.** Autonomija dalmatinskih komuna pod Venecijom. Zadar, 1965;
Sunjic M. Dalmacija u XV stoljeću. Sarajevo, 1967.

² **Biegman N. H.** The Turco-Ragusan Relationship (According to the Firmans of Murad III 1575/1595. Extant in the State Archivs of Dubrovnik). Hague — Paris, 1967.

³ Литература по этому вопросу велика и обнаруживает тенденцию к быстрому росту. Исследователи до сих пор рассматривали историю Дубровника по столетиям: **Божих И.** Дубровник и Турска у XIV и XV веку. Београд, 1952; **Поповић Т.** Дубровник и Турска у XVI веку. Београд, 1974; **Самарић Р.** Велики век Дубровника. Београд, 1962 (это о XVIII столетии); **Винавер В.** Дубровник и Турска у XVIII веку. Београд, 1966.

⁴ С XVI в. и в ученых трудах, и в общих пособиях их уже рассматривают отдельно. См.: Историја народа Југославије. Београд, 1960, кн. 2, с. 210—229, 247—266, 591—595, 595—602. Попытку сопоставить развитие того и других см.: **Tadic J.** O društvenoj strukturi Dalmacije i Dubrovnika u vreme Renesanse.— Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1953, № 6—7.

⁵ См. новейшую работу: **Klaić N., Petricioli I.** Zadar u srednjem vijeku. Zadar, 1976.

⁶ **Ferluga J.** L'amministrazione byzantina in Dalmazia. Venezia, 1978, p. 109, 159.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid., p. 218 sq.

⁹ Ibid., p. 235.

¹⁰ Ibid., p. 206, 218.

¹¹ Ibid., p. 148, 235.

¹² Ibid., p. 157.

¹³ **Klaić N.** Zadar, dalmatinska metropolija do XIII stoljeca.— Zadarska revija. Zadar, 1967, № 2—3, s. 111—128.

¹⁴ **Ferluga J.** L'amministrazione..., p. 147, 188—189, 226.

¹⁵ **Kostrenčić M.** Slobode dalmatinskih gradova po tipu trogirskom.— Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1930, knj. 239.

¹⁶ Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, ed. Smičiklas T. Zagreb, 1904, p. 19, v. 2.

¹⁷ **Фрейденберг М. М.** Городская община в Далмации X—XI вв. и ее античный аналог.— Etudes balkaniques. Sofia, 1977, № 2, с. 114—125.

¹⁸ **Lučić J.** L'histoire de Dubrovnik. II-eme partie. Zagreb, 1974.

¹⁹ **Lučić J.** Povijest Dubrovnika od VII st. do godine 1205.— Anali Historijskog odjela Centra za znanstveni rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Dubrovnik, 1976, sv. 13—14, s. 14—15.

²⁰ **Beritic L.** Utvrtenja grada Dubrovnika. Zagreb, 1955.